

ФЕНОМЕН МНОГОЯЗЫЧИЯ И ЕГО ОБОСНОВАНИЕ С ПОЗИЦИЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Яковлева

Киевский институт бизнеса и технологий (Украина)

Поступила в редакцию 25 декабря 2014 г.

Аннотация: в статье рассмотрены историческая обоснованность и социокультурная мотивированность феномена многоязычия, который предложено трактовать как один из ключевых признаков современного мира, закономерный этап в развитии человечества, его логичный результат. Подчеркивается принципиальная важность многоязычия для системы высшего образования как залог успешного решения актуальной задачи ее транснационализации.

Ключевые слова: многоязычие, языковая личность, система ценностей, транснационализация, европейское образовательное пространство, цивилизационный контекст, глобализация.

Abstract: the article deals with the historical and socio-cultural validity of the motivation of the phenomenon of multilingualism, which prompted treated as one of the key features of the modern world, a necessary stage in human development, its logical result. It is emphasizes the fundamental importance of multilingualism for the system of higher education as key to a successful solution of actual problems of its transnationalization.

Key words: multilingualism, language personality, values, transnationalization, the European educational space, civilization context, globalization.

В современном, охваченном глобализацией и пропитанном обусловленными ею явлениями мире с присущими ему чрезвычайным ростом роли использования информации, высоких технологий и безусловным приоритетом знания нового типа такая социокультурная и социолингвистические категория, как многоязычие, приобретает особое значение. На уровне личности, микро-, макроколлектива или даже целой нации эта черта языковой личности и признак языковых практик сегодня отнюдь не является исключением из правил, а, напротив, скорее правилом и во все большем количестве случаев – вовсе само собой разумеющейся повседневной практикой. Владение еще одним, кроме родного, языком, которое позволяет обеспечить расширение коммуникативного потенциала личности, давно уже превратилось в норму. Сознательное стремление к такому владению, как массовое явление, можно рассматривать как общий социокультурный императив нашей исторической эпохи.

С онтологической точки зрения многоязычие предстает как сложный, многомерный, внутренне противоречивый конструкт, решающим образом зависящий от социальной среды. В его рамках сочетаются два принципиально разных начала: с одной стороны, ценностное, с другой –

прагматичное, – контакт и взаимодействие между которыми усложняются обстоятельствами, обусловленными историческим опытом и уровнем экономического развития конкретного общества. Именно такой подход положен в основу достаточно распространенного в наше время взгляда, согласно которому стратегии языковой политики делятся на прагматичные и протекционистские (а также смешанные – прагматично-протекционистские или протекционистско-прагматические), а среди причин для выбора той или иной стратегии главными являются ценностные, экономические, исторические, политико-идеологические.

Относительное равновесие в рамках бинарной оппозиции – одноязычие-многоязычие – все явственнее нарушается в пользу последнего. На наш взгляд, существует достаточно оснований для того, чтобы видеть в поэтапном переходе от одноязычия к многоязычию доминантную тенденцию развития человечества не только на определенном этапе, а именно в современную эпоху, но в целом, начиная с древности. «В древнем мире обычное умение читать казалось фантастическим достижением, – указывает Элвин Тоффлер. – В V ст. до Р. Х. Августин Блаженный, описывая своего учителя – св. Амвросия, епископа Медиоланского, отметил, что он был таким образованным, что мог читать про себя и не шевелить при этом губами. За такой проявление чрезвычайного мастерства его считали самым умным человеком в мире» [1, с. 111].

То же самое, что и об умении читать, можно сказать о владении другими языками. Когда-то оно было «фантастическим достижением», впоследствии стало распространенным явлением, ныне же превратилось в повседневную практику миллионов людей, обусловленную потребностями коммуникативных систем и требованиями, продиктованными стратегией успеха личности.

В своем известном «Логико-философском трактате» Людвиг Витгенштейн в русле общего перехода к неклассической философии с характерным для нее обращением к языку как к альтернативе картезианскому *cogito* предложил формулу, которую можно понимать как фундаментальную основу многоязычия: «Границами моего мира есть границы моего языка» [2, с. 56]. Из нее следует, что если человек владеет одним языком, то границы его мира будут один масштаб, если же двумя или несколькими, то – другой, гораздо больший.

Следовательно, по сравнению с одноязычием многоязычие предстает как залог чего-то более весомого и конструктивного для личности, которая благодаря ему приобретает способности расширять границы своего индивидуального мира. Такой взгляд логично вытекает из того концептуального подхода, согласно которому ведущей тенденцией современной исторической эпохи в языковой сфере следует считать именно тенденцию постепенного перехода всех национальных языковых сред к дву- и/или многоязычию.

Это утверждение касается и языковых сред, которые сейчас существуют в режиме формального или фактического одноязычия. Центральной дилеммой современного языкового развития на глобальном уровне яв-

ляется выбор между двумя главными возможностями: с одной стороны, сознательным и целенаправленным развитием языкового разнообразия, с другой – консервацией устойчивого стаус-кво. Последний вариант часто включает в себя значительный элемент искусственности.

Что касается высшего образования, то объективная тенденция к использованию не одного, а нескольких языков в учебном процессе вместе с сознательной ориентацией на такое использование и на его стимулирование, обусловлены здесь не только причинами ситуативного характера, а более глубокими и значимыми обстоятельствами, в частности онтологическими, социокультурными, историческими. На повестку дня национальной образовательной системы выдвигается в качестве одной из главных и неотложных задач транснационализация образования, т.е. его выведение на уровень, который бы давал возможность выпускникам украинских вузов свободно и без каких-либо ограничений применять свои знания и умения не только в своей стране, но и за ее пределами.

Есть все основания именно в системе высшего образования видеть то ключевое звено, с помощью которого может при определенных обстоятельствах оказаться реальным внесение корректив в языковую ситуацию и переформатировать ее в соответствии с изменившимися условиями национально-культурного и языкового существования Украины как суверенного государства, так и украинской нации на стадии ее перехода от архаического состояния (как нации преимущественно этнической) до состояния современного (как нации политической).

Таким образом, возможно, удалось бы достичь желаемого режима коэволюции общенационального языкового пространства и языкового пространства образовательного с использованием последнего в качестве модели для первого. Это, в свою очередь, дало бы, вполне вероятно, возможность осуществить исторически обоснованный, корректный с социально-политической точки зрения коллективный выбор языка, обеспечив как надлежащее качество, так и динамику того обусловленного новым – государственным – статусом украинского языка языкового сдвига, насущная необходимость в котором уже давно ощущается.

Еще совсем недавно можно было с полным правом утверждать, что высшее образование это, с одной стороны, императив общественного прогресса, с другой, надежный и лучший залог полноценной социализации и качественной жизни личности. Теперь это утверждение требует одного принципиального уточнения: императивом и залогом в настоящее время является не высшее образование как таковое, а образование качественное, которое, в частности, открывает молодежи не только окно в мир, но и дверь для полноправного выхода в него.

Значение образования в целом и высшего образования в частности в современном мире невозможно переоценить. Образовательная сфера и особенно тот «продукт», который она производит, колоссально влияет на все без исключения сферы жизни как духовные, так и материальные. Высшие учебные заведения по праву рассматриваются как ключевая организация в сфере воспроизводства человеческого потенциала нации.

Кроме того, набирает обороты тенденция превращения высшего образования в весомый фактор инновационного развития общества.

Именно высшее образование закладывает основы роста национальной экономики, формируя в то же время адекватные историческому моменту концепты национальной идеи, культуры, духовности. Именно оно как социальный институт, наделенный способностью модернизироваться быстрее большинства других, взяв на вооружение теоретическое научное знание (когнитивный продукт) высшей пробы, имеет возможность превратиться в стержень национального и государственного развития по прогрессивному сценарию, стержнем которого является модернизация.

Важное значение в этом плане имеет поэтапное включение Украины в европейское образовательное пространство в качестве его равноправного члена с участием в Болонском процессе и других формах международного сотрудничества и взаимодействия. Одной из таких форм оказывается глобальный и региональный (а также суб- и межрегиональный) трансфер знаний, который с точки зрения качества образования уже сейчас критически важен и не возможен вне применения эффективных технологий, в частности лингвистических.

Качество образования непосредственно зависит от целого ряда факторов, в частности от качества учебных материалов. Хорошо, если профессиональная литература на родном языке по той или иной специальности в количественном отношении исчерпывает всю нужную проблематику и в то же время ее качество соответствует европейским стандартам и лучшим мировым образцам. Если же этого нет, то неизбежно возникает дилемма: исходя из «патриотических» соображений сознательно ограничивать подготовку и уровень знаний только источниками на «своем» языке, или же из соображений здравого смысла и прагматизма ориентироваться на действительно лучшие учебные материалы, пусть и иноязычные.

Европейский опыт решает эту дилемму в пользу прагматизма, побуждая к введению режима многоязычия в образовании. Европейское высшее образование с каждым годом становится все прагматичнее, все четче, все более последовательно ориентированным на рынок труда и его потребности. Одним из наглядных примеров применения многоязычия как важного инструмента образования и ярких свидетельств его конечной необходимости может служить программа «Европейский докторант», которая в последнее время активно и последовательно стимулируется соответствующими органами европейского сообщества. В ее рамках предусмотрено установление сотрудничества между университетами разных стран с целью осуществления совместных двух- и многосторонних докторских исследований. В перспективе эту программу рассматривают в Европейском союзе в качестве основы для формирования общеевропейского института докторантуры как наиболее оптимальной модели организации научных исследований. Такое внедрение, конечно, непременно предполагает режим многоязычия.

Постмодернистский мир открывает целый ряд новых, дополнительных возможностей, часть из которых была ранее совершенно неизвестна,

в то время как другая подверглась значительному переосмыслению и перепрофилированию. Для реализации большинства из них необходимой предпосылкой является выход за общие коммуникативные рамки, очерченные на родном языке и ограниченные им. Стоит отметить, что такой переход в некоторых случаях связан с необходимостью преодоления тех или иных специальных рамок, в частности политических, идеологических, социальных.

Если согласиться с предложенным Ю. Н. Карауловым взглядом на языковую личность как на трехуровневую структуру, придется констатировать, что первый из трех уровней – вербально-семантический, с помощью которого определяется степень владения тем или иным языком, – оказывается уже, чем второй – когнитивный (на нем образуются коллективное и индивидуальное понятийные пространства, а также формируется языковая модель действительности языковой личности) – и чем третий – прагматический, – который отражает индивидуальную систему мотивов и целей как итог развития языковой личности и который небезосновательно считается высоким [3, с. 11–13].

Для высших учебных заведений неодинаковость наполнения структурных уровней языковой личности является отнюдь не менее релевантной, чем для этой категории в целом. Одним из последствий этого факта следует считать то, что полноценный учет современных требований образования невозможен без дополнения когнитивного уровня интонациональной продукцией, – и не только переведенной на родной для субъекта образования язык, еще в оригинале, а также без обеспечения для этого субъекта на уровне прагматическом возможности применять приобретенные в вузе знания на рабочем месте в иноязычной среде.

Языковая проблематика всегда тесно связана с проблемами иного характера и содержания: социальными, политическими, идеологическими, экономическими. В этом контексте естественным оказывается выбор в пользу не одноязычной, а именно многоязычной модели – его осуществило в течение своего исторического развития большинство стран мира, что следует рассматривать как красноречивое свидетельство конкурентоспособности этой последней модели, ее соответствия целям и задачам модернизационного «проекта».

Хотим мы того или нет, но язык – это всегда политика. Язык очень часто используется как инструмент политики и не может оставаться вне политики по самой своей природе. Языковые и межъязыковые отношения не могут не нести в себе элемента конфликтности. Без осложнений и проблем в языковой сфере, которые приобретали характер политической конкуренции, борьбы и даже «языковой войны» не обошлась история ни одной страны мира.

Украина в этом отношении не является исключением. Напротив, есть основания утверждать, что украинский национальный вариант политического восприятия языковой проблематики специфический, учитывая опыт других стран Европы, а в чем-то, возможно, даже уникальный.

Сущность этой уникальности справедливо формулируют авторы издания «Языковая политика и языковая ситуация в Украине», отмечая в преамбуле к рекомендательной части своего труда, что «нет ни одной другой европейской страны, где язык этнического меньшинства получил бы такое же распространение, что и государственный язык, – а государственный был бы на определенных территориях языком меньшинства населения» [4, с. 332].

Кроме того, в украинской политической среде и в национальном пространстве продолжают сосуществовать принципиально разные взгляды на содержание и цели государственной языковой политики и на подходы к ее практическому воплощению в жизнь. Одна часть элиты и общества не имеет никаких сомнений в том, что на нынешнем этапе исторического и государственного развития Украины языковая политика должна непременно быть политикой украинизации, которая при существующих условиях и обстоятельствах не может не быть одновременно политикой дерусификации (иногда для обозначения такой политики используют термин «ренационализация»). В то время как вторая – не менее количественно и качественно репрезентативная – предлагает ориентироваться на исторически сложившийся статус-кво, при котором русский язык в украинском национальном языковом пространстве является равноправным с украинским и не требует регулирования средствами государственной политики.

Речь идет фактически о диаметрально противоположных взглядах на характер и особенности как исторического языкового баланса, так и того баланса этнически конфессионального, который составляет его контекст, а также на перспективы восстановления сбалансированного состояния в этой сфере и пути достижения этой цели.

Острые споры между двумя упомянутыми дискурсами, которые исключают друг друга и доведены до ситуации отсутствия теоретической возможности приведения к общему знаменателю, еще в большей степени усиливают эффект политизации языковой проблемы в Украине, превращая ее из культурно-политической в чисто политическую. Вследствие этого отодвигаются на второй план осмысление на государственном уровне и общественное обсуждение не менее важных проблем, связанных, например, с культурой речи, а также с этнической, гендерной, классовой, возрастной, локальной вариативностью языка и речи.

Для системы высшего образования Украины многоязычие естественно. Основой для этого служат два фактора. Во-первых, это неодноязычие и общей языковой среды, в которой эта система функционирует, и образовательного языкового пространства. Во-вторых, необходимость обеспечить как можно более качественный учебный процесс путем привлечения к нему различных материалов, которые имеют разное национальное происхождение, существуют в разном языковом оформлении.

Вместе с тем прочный фундамент для обеспечения дальнейшего присутствия многоязычия в этой сфере (причем по схеме ускоренного разви-

тия с перманентно нарастающей динамикой) создают процессы глобализации и регионализации, каждый из которых, взятый в отдельности и оба они в своей совокупности и взаимодополняемости, определяют, по мнению подавляющего большинства специалистов различных гуманитарных дисциплин, сущность современности.

Первый из них выдвигает на повестку дня в качестве первоочередной задачи неперенное включение в языковой арсенал и языковой личности, и языкового коллектива, и национальной языковой среды того языка (или языков), который обеспечивает коммуникацию на глобальном уровне, т.е. английского.

Второй добавляет в общий план многоязычия, присущего большинству стран и регионов, практическую «привязку», адаптируя его к конкретным условиям существования в той или иной местности и обеспечивая ее внутреннюю языковую целостность, устойчивость, функциональную полноценность. Императив регионализации для Украины работает таким образом, что побуждает к рациональному подходу к проблеме сохранения в национальном языковом пространстве русского языка как языка, который при изменившихся исторических и геополитических обстоятельствах продолжает оставаться языком межрегионального общения во многих сферах, в частности, в бизнесе, политике, культуре, информационном пространстве и др.

Насущная необходимость адаптации языковой ситуации и языковых практик в системе высшего образования как важной составляющей общей социально-коммуникативной системы, под которой следует понимать всю совокупность языковых ресурсов определенной языковой общности, к требованиям, которые диктуют глобализация и регионализация, еще в большей степени актуализирует проблему перехода вузов к многоязычию. Принципиально важным уточнением к этому тезису должно быть указание на тот факт, что многоязычие, о котором идет речь в данном случае, является не исторически сложившимся и унаследованным из прошлых времен, а многоязычием нового типа.

«Сегодня от интра-интеллекта мы направляемся к сетям «экстра-разума», – пишет Э. Тоффлер, характеризуя революционные сдвиги в жизни современного мира и в организации мир-системы. – Они не только передают данные, но и анализируют, объединяют, перепаковывают или как-то иначе меняют сообщения, в то же время попутно создавая новую информацию. Таким образом преобразованная или увеличенная информация попадает к адресату не такой, как была сначала: ее меняют внедренные в сеть программы. Это так называемые «сети с дополнительными услугами» (VAN). Они наделены экстра-интеллектом... Экстра-интеллект нарушит сложные вопросы отношений между данными, информацией и знанием, по проблемам языка, этики...» [1, с. 145, 149].

Одним из таких – «сложных», по Э. Тоффлеру, – вопросов нового времени непременно должен стать вопрос, связанный с выработкой новой модели феномена многоязычия, способной обеспечить оптимальный в данных условиях и обстоятельствах для того или иного национальной

языковой среды формат ответа на «сетевые» информационные, образовательные и другие вызовы глобализации.

Принципиально важным, учитывая онтологические, социокультурные, исторические обстоятельства возникновения многоязычия, является состояние ее общих контекстов – мировоззренческого, идеологического, методологического, геополитического. Рассуждая о некоторых из них по отношению к другим проблемам, Н. И. Михальченко говорит о целесообразности перехода от моноидеологической к плюроидеологической модели развития [5, с. 197], и с такой постановкой вопроса трудно спорить.

При этом, правда, следом за В. Маккеем стоит различать два типа плюрализма в языковой сфере: с одной стороны, языковой плюрализм на уровне индивидуального лингвистического понятия, с другой – плюрализм на уровне языкового коллектива, нации в целом, а также в сфере государственной политики [6].

Потребность плюралистической (или плюроидеологической, по терминологии Н. И. Михальченко) модели ощущается сейчас очень остро не только в Украине. Признание объективной ценности плюрализма превращается в одну из наиболее характерных черт этоса современной цивилизации. Как одно из направлений реализации данной парадигмы может быть и должен быть предложен поворот к «плюро-языковой» среде, который, кроме всего прочего, в наибольшей степени отвечает условиям современного глобализирующегося мира и современного человека со всеми теми новыми возможностями, которые открывает перед ним глобализация.

Моноидеологическая и плюроидеологическая модели в корне отличаются друг от друга. Отличие между ними определяется, прежде всего, общей модальностью взгляда на объект и характером видения этого объекта. Если в первом случае взгляд направлен сверху вниз, то во втором, наоборот, снизу – вверх. Именно благодаря изменению вектора с монополюсно единственного на противоположный, демонополизованный, появляется возможность реального учета различий, имеющих на уровне отдельных составляющих расположенного «внизу» объекта, которые не поддаются фиксации взглядом «сверху».

Существует еще одно контекстуальное измерение многоязычия – цивилизационно-глобалистическое. Вывод о том, что глобализация является чрезвычайно мощной движущей силой экономических, политических, социокультурных, гуманитарных сдвигов и изменений, на сегодняшний день можно считать общепризнанным. Его влияние ощущается, кроме всего прочего, и в сфере образования, в частности высшего. Именно благодаря глобализации образовательные процессы в рамках всего мира становятся более открытыми и интенсивными, увеличивая количественные параметры (количество студентов неуклонно растет во всех странах Европы), приобретая качественно новый вид по сравнению с предыдущими эпохами.

«Каждое из устоявшихся обществ... осуществляет цивилизационный выбор, – пишет связи с этим В. Г. Кремень. – Генезис глобального обще-

ства меняет эту ситуацию. Теперь избирается не та или иная цивилизационная парадигма, а *режим сосуществования с другими* (выделено автором. – Е. Я.) ... Современный цивилизационный выбор – выбор XXI века – это выбор всех в пользу глобального общества, является социальной формой существования всепланетного человечества. Другая альтернатива – замкнутость на собственных цивилизационных началах..., что имеет перспективой бесконечный конфликт «всех со всеми» [7, с. 462].

В связи с этим стоило бы, наверное, вспомнить еще и аксиологический контекст проблемы, о которой идет речь. Ведь в русле одной из популярных и актуальных концепций европейского интеграционного проекта ориентация на консервацию национального начала как на приоритет выглядит архаичной. Это распространяется и на такой, крайне важный элемент этого начала, как национальное государство. «Было бы странно, что в наше время отказа от всех ценностей и трезвой действительности государство-нация, табу, одно только остается предметом нерационального и драгоценного поклонения», – цитирует по этому поводу И. Болман материал из журнала «Europa Ethnica» [8, с. 11].

Включение национальной языковой среды и языкового пространства образования в общеевропейский и глобальный процессы окончательного отказа от ориентации на одноязычие в пользу сознательного внедрения вместо этого функционального многоязычия, кроме всего прочего, укладывается в известную концепцию «власти-знания» Мишеля Фуко, а также «власти-информации» и ряда других постструктуралистских концепций, основанных на так называемом «лингвистическом повороте» [9].

Как свидетельствует мировой опыт, состояние языковой ситуации, в наибольшей степени отвечающего потребностям государства и общества, удается достичь там и тогда, где и когда языковая политика строится на внимательном отношении к языковым традициям, которые сложились в течение всего предыдущего исторического развития без разделения прошлого на «свое», которое следует оставить, и «чужое», которое якобы надо во что бы то ни стало отбросить. В то же время без учета феномена, который можно определить как языковую биографию страны, попытки урегулирования языкового пространства сталкиваются с рядом очень серьезных проблем.

В подавляющем большинстве государств с официальным режимом многоязычия оно не только связано с особенностями исторической судьбы каждой из них, а непосредственно вытекает из них. Среди теоретически возможных вариантов отношения к прошлому, начиная от абсолютного отрицания и заканчивая безапелляционным и некритическим восприятием, наиболее плодотворным и оптимальным, учитывая цели и задачи современности, является, как показывает мировой опыт, тот, который предусматривает уважительное отношение к исторической традиции и ее дальнейшее развитие с учетом потребностей модернизации и влияния глобализации.

Исторически обусловленным является и традиционное многоязычие в системе высшего образования в значительной части этих стран,

в частности в таких особо успешных с точки зрения обеспечения надлежащего качества национального образования и его позитивного восприятия на международном уровне, как Индия, Южная Африка, Сингапур и др.

Многоязычие нового типа, как и «старое» многоязычие, тоже базируется на наследии прошлого, хотя связь в этом случае оказывается заметной менее значимой в отличие от связи с синхронной языковой ситуацией в глобальном мире и в отдельных регионах. Потребность перехода к «новому» многоязычию обусловлено, прежде всего, соображениями прагматического характера и содержания, из-за чего и возникает эффект четкой и последовательной ориентации этого явления на обстоятельства текущего момента.

Современные (модерные) социальные практики предусматривают многоязычие как один из непереносимых признаков, который обеспечивает возможность выхода на действительно международный, глобальный и региональный уровни. Режим одноязычия, как формальная альтернатива многоязычия, напротив, сдерживает эти практики, в значительной степени ограничивая их во многих отношениях, замыкая в национальных рамках, изолируя таким образом от инонациональной общественности.

Именно режим многоязычия следует считать наиболее адекватным ответом человечества на вызовы новой эпохи. Важно при этом уточнить, что многоязычие, о котором идет речь, основывается на прагматизме. Показательный пример дает языковая ситуация в Европейском союзе – интеграционном проекте, который принято считать во многих отношениях наиболее успешным в современном мире.

В европейских институтах официальными считаются и используются в качестве таковых сразу двадцать три языка. Все без исключения решения, принятые органами Евросоюза, переводятся на все эти языки. Граждане ЕС имеют право обращаться в органы ЕС и получать ответы на свои обращения на любом из официальных языков. На мероприятиях на высшем уровне, как правило, обеспечивается перевод выступлений участников на все официальные языки. Так, в частности, синхронный перевод на двадцать три языка всегда обеспечивается на сессиях Европарламента и на Совете Евросоюза.

Вместе с тем в практической жизни все чаще наблюдается так называемое «европейское двуязычие», когда фактически в работе европейских инстанций используются не все двадцать три, а два основных языка – английский и французский, имеющие статус рабочих языков Европейской комиссии (третьим рабочим языком ЕК является, как известно, немецкий).

Если говорить о системе вузов, то определяющими для многоязычия нового типа оказываются такие факторы, как государственная языковая политика в сфере образования и индивидуальные запросы и потребности граждан, получающих образование, и их семей. Всё больший вес при этом приобретает фактор применения образования в дальнейшей профессиональной жизни выпускников вуза, что в императивной

форме требует категорического отказа от ориентации исключительно на возможности, которые определяет национальная одноязычная среда.

Внутренняя структурированность «нового» многоязычия в системе образования будет зависеть прежде всего от индивидуальных особенностей и способностей конкретного лица. Кто-то сможет довести уровень владения вторым и третьим языками до уровня родного (свободного), кто-то останется на уровне средnedостаточного знания других языков, кому-то придется довольствоваться минимально достаточным уровнем. В этом плане никакого регулирования со стороны государства или администрации учебных заведений не должно быть.

Автор соответствующей статьи в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» предлагает понимать языковую политику как «совокупность идеологических принципов и практических мер по решению языковых проблем в социуме, государстве» [10]. Если принять эту дефиницию, то придется констатировать, что субъектом государственной языковой политики по определению выступает государство и только оно. Это обстоятельство якобы открывает перед государственными органами, непосредственно ответственными за осуществление языковой политики, неограниченные возможности. Теоретически это так, на практике – далеко не всегда. Стратегию и тактику форматирования и переформатирования языкового пространства государство выбирает не на пустом месте, не вполне произвольно, а на основании уже существующей языковой ситуации со всеми присущими ей традиционными элементами, «узкими» местами, проблемами и т. п.

Не следует забывать еще и о таких весомых факторах корректировки языковой среды со стороны социума, как спонтанное влияние общества и, в частности, общественного мнения на языковые практики его членов и групп, а также бытовое метаязыковое коллективное и индивидуальное сознание. Последнее находит свое практическое проявление в таких фактах, как: различные суждения рядовых носителей языка о содержании лингвистической науки, основанные на их собственных наблюдениях, впечатлениях, представлениях, а также на политических симпатиях, влияние СМИ, информационного и политического дискурса и т.д. [11].

Таким образом, именно философия образования призвана исследовать теоретические основания введения многоязычия и предложить соответствующие общие методологические рекомендации касательно реформирования национальных систем высшего образования. Ведь эти рекомендации, при всей их прагматичности, не могут иметь узкопрагматического характера, но должны соответствовать прагматике развития всего национального политического общества в структуре мирового сообщества.

Литература

1. Тоффлер Е. Нова парадигма влади. Знання, багатство, сила / Е. Тоффлер ; пер. з англ. Наталка Бордукова. – Харків, АКТА, 2003. – 688 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн ; [пер. с нем. и англ. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева]. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1999. – 180 с.
4. Мовна політика та мовна ситуація в Україні. Аналіз і рекомендації. – Київ : Києво-Могилянська академія, 2010. – 363 с.
5. Михальченко М. Україна як нова історична реальність : запасний гравець Європи / М. І. Михальченко ; НАНУ України, Ін-т політичних та етнонаціональних досліджень . – Київ; Дрогобич : Відродження, 2004 . – 487 с.
6. Mackey W. F. A description of bilingualism / W. F. Mackey // J. A. Fishman (ed.), Reading in the sociology of Language. – Den Haag : Mouton, 1977. – P. 554–584.
7. Кремень В. Г. Філософія національної ідеї. Людина. Освіта. Соціум / В. Г. Кремень. – Київ : Грамота, 2007. – 570 с.
8. Больман І. Мовні війни в Європі. Європейська хартія регіональних та меншинних мов / І. Больман ; пер. з фр. С. Гринцевич. – Київ : К. І. С., 2007. – 275 с.
9. Йосипенко О. Проблема сенсу та її головні трансформації у французькій філософії другої половини ХХ сторіччя / О. Йосипенко // Філософська думка. – 2009. – № 4. – С. 59–66.
10. Дешериев Ю. Д. Языковая политика / Ю. Д. Дешериев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 481–482.
11. Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2009. – Ч. 1. – 532 с.

Київський інститут бізнесу і технологій (Україна)

Яковлева Е. В., кандидат філософських наук, доцент, доцент

E-mail: Elva_rom@inbox.ru

Tel.: +38 (050) 310-59-30

Kiev Institute of Business and Technology (Ukraine, Kiev)

Yakovleva E. V., Candidate of Philosophical Sciences

E-mail: Elva_rom@inbox.ru

Tel.: +38 (050) 310-59-30